

ТРИКСТЕР В РУССКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

Н.А. Гекман

Алтайская государственная
академия культуры и искусств
belka0601@yandex.ru

В статье анализируются специфические функции и формы визуализации основных персонажей низшей мифологии славянской культуры. Обосновывается гипотеза об универсальности этих персонажей как духах-трикстерах. Исследуется их медиативная и охранительная функции.

Ключевые слова: мифология, персонажи низшей мифологии, трикстер, космологические оппозиции.

Верования в духов природных объектов, дома и домашних построек зафиксированы этнографами, историками культуры, философами и культурологами в культурах разных эпох разного уровня развития: от Древнего Египта и Греции до африканских племен и палеоазиатских народов.

Мнения о сверхъестественных существах, фиксированные в русском фольклоре, интерпретировались по-разному: как суеверия – следствие неразвитости сознания (В.И. Даль), как поэтическая персонификация обожествляемой человеком природы (А.Н. Афанасьев) и т. д.

Современные культурологи и фольклористы продолжают собирать и систематизировать материалы о духах дома и природы, обращая особое внимание на удивительную «живучесть» пантеизма. Работы А.В. Чучина-Русова, В.М. Найдыша и других намечают новые аспекты исследования проблемы: попытку обнаружить в «наивных» верованиях если не элементы рациональности, то некие закономерности, позволяющие воспринимать персонажей

низшей мифологии славян как нечто функционально целостное.

Мы использовали метод системного анализа при изучении феномена трикстерства в разных типах культур и жанрах общеславянской и, уже, русской сказочной прозы, а также метод структурно-функционального анализа при выявлении качеств трикстера у персонажей низшей мифологии славян и обосновании доминанты его медиативной функции.

Методологически значимыми явились идеи К.Г. Юнга, Е.М. Мелетинского, Ю.В. Чернявской, П.Ф. Маркина, В.Н. Топорова и других.

Степень изученности проблемы: эмпирический материал по персонажам низшей мифологии славян собран и обобщен В.И. Далем, Д.К. Зелениным, М. Забылиным и другими. Систематизация материала по персонажам низшей мифологии славян содержится в работах М. Власовой, Н.А. Криничной, П.Ф. Маркина и других.

Анализ разных аспектов феномена трикстера (и архетипа трикстера) представлен в исследованиях К.Г. Юнга, К. Кер-

нии, В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского и других. Несмотря на достаточно объемную литературу по персонажам низшей мифологии славян, исследований по наличию в них черт трикстера не существует. Обоснования идеи медиативности трикстера в исследованиях Е.М. Мелетинского, Ю.В. Чернявской, А.П. Гекман не распространяются на персонажей низшей мифологии славян, что актуализирует проблему нашего исследования.

Феномен трикстерства и понятие «трикстер» разрабатывался К.Г. Юнгом и его школой, и основной особенностью анализа исследователями психофизиологического направления в естественнонаучных и гуманитарных областях была интерпретация трикстера как Тени, то есть совокупности всех низменных черт характера личности. Идеи К.Г. Юнга, О. Ранка, К. Кериньи и др. развивались, в основном, на материале античной мифологии, так как именно мифологический пласт культуры воспроизводит и сохраняет основные архетипы – проявления коллективного бессознательного.

К.Г. Юнг в своих работах «Алхимия снов»¹ и «Душа и миф. Шесть архетипов»² дает следующее определение: «Трюкач (трикстер) – это первичное «космическое» создание божественно-животной природы: с одной стороны, высшее по отношению к человеку благодаря своим сверхчеловеческим качествам, с другой – низшее по отношению к нему из-за своей нерассудительности и бессознательности»³.

Один из наиболее авторитетных исследователей в области мифопоэтического –

¹ Юнг К.Г. Алхимия снов. – СПб. : Тимошка, 1997. – 352 с.

² Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев : Гос. библ. Украины для юношества, 1996. – 383 с.

³ Там же, с. 60.

В.Н. Топоров – впервые вывел понятие «трикстер» за пределы узкопрофессиональных – психологических и патопсихологических – аспектов изучения⁴. По его мнению, герой-трикстер амбивалентен, он характеризуется «выделенностью», «инаковостью поведения, которая не поддается дискретизации»⁵. Рассматривая проблему трикстера на примере мифологических рассказов сымских рыбаков, В.Н. Топоров отмечает, что трюкачество в разных способах проявления встречается не только в высокоразвитых мифологических системах, но и в системах верований традиционных культур, до конца XX века называвшихся «примитивными».

В работе Е.М. Мелетинского «Поэтика мифа»⁶ рассматривается еще один аспект трикстерства – трюкачества: на примере скандинавского божества Локи ученый доказывает факт широкого распространения архетипа трикстера и предполагает, что данный архетип может иметь универсальную природу.

В первые годы XXI века проблема трикстера и трикстерства приобретает особую актуальность в ряду исследований культурных феноменов традиционных культур. Кроме того, в гуманитаристике обосновывается идея «параллельности» мифологий, что позволяет значительно расширить источниковую базу исследований, а также наблюдается процесс переосмысления духовно-художественного наследия разных (по времени существования и степени развития) культур.

⁴ Топоров В.Н. Образ трикстера в Енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 5–20.

⁵ Там же.

⁶ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М.: Восточная литература, 2000. – 406 с.

Ряд исследователей, в частности А.А. Пелипенко, считает, что трикстер является парным контрагентом культурного героя⁷. Выводы ученого во многом основаны на фундаментальных изысканиях Ю.М. Лотмана о феномене «двойничества» в области фольклора и литературы. Если в литературе герою может соответствовать «антигерой», антипод героя, его антагонист, то в фольклоре (волшебной сказке, быличке, новеллистической былинке) возможно соединение разных качеств и форм проявления в одном персонаже. Так, широко распространены явления оборотничества главных персонажей русской сказки (Серый волк – Елена Прекрасная – Жар-Птица и т. д.).

Оригинальную концепцию выстраивает и обосновывает Ю.В. Чернявская⁸. Она доказывает, что архетип трикстера попадает в миф из глубинных слоев человеческой психики и постепенно расширяет свои функции, то есть является и недо- и сверхчеловеком, тем самым, совмещая в себе несовместимое. Она, как и ее научные предшественники, обращается к архетипам – персонажам античной мифологии. В частности, ее интересует интерпретация мифологических персонажей последователем К. Юнга – К. Кериньи.

К. Кериньи на основе исследования образа Гермеса приходит к выводу, что Гермес – классический тип трикстера: именно ему доступны все сферы бытия, он является открывателем новых путей. Ю.В. Чернявская акцентирует именно этот – продуктивный аспект архетипа: трюкач – великий экспери-

ментатор и культурный провокатор. Он стимулирует творческую активность человека.

Говоря о трикстере-трюкаче, стоит обязательно упомянуть его способность к оборотничеству, то есть способность принимать любой облик от диаметрально противоположного себе, но антропоморфного, до облика животного, что по К.Г. Юнгу и К. Кериньи является показателем его универсальности.

Мы полагаем, что амбивалентность трикстера и способность принимать любой облик являются основой для его медиаторной функции.

К. Леви-Строс писал о том, что трикстер обладает маргинально-медиаторным характером, осуществляя медиацию между жизнью и смертью. Е. Мелетинский расширяет это представление: в его концепции трикстер выступает медиатором в оппозициях «Верх – Низ», «Зима – Лето», «Мужское – Женское» и других. Стоит предположить, что оппозицию «Мужское – Женское» можно рассматривать как способность трикстера изменять свой облик, свойственную ему как в антропоморфной, так и зооморфной ипостасях.

По мнению А.А. Пелипенко, медиация, осуществляемая трикстером, заключается в том, что он становится нейтрализующим элементом между полюсами сверхзначимых для культуры оппозиций. Сознание трикстера как субъекта с точки зрения его маргинального, погранично-промежуточного состояния парадоксальным образом сближает его с абсолютным. То есть образ трикстера не просто амбивалентен, он само воплощение амбивалентности.

В.Н. Топоров, анализируя героя-трикстера, тоже обращает особое внимание на факт его амбивалентности. Каскет, исследуемый В.Н. Топоровым, лишь условно амбивалентен, на качество амбивалентно-

⁷ Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 371 с.

⁸ Чернявская Ю.В. Трикстер, или путешествие в Хаос / Ю.В. Чернявская // Человек. – 2004. – № 3. – С. 37–52.

сти намекают только внешность и поведение например, способность быть одновременно едоком и его пищей.

Но и эти черты трикстера нельзя оставить без внимания. Ю.В. Чернявская упоминает о возможной наготе трикстера как об одном из символических проявлений его инаковости и другом выражении – оборотничестве, связанным с переворачиванием оппозиции «Верх – Низ», что вновь возвращает нас к медиаторной функции трикстера.

Стоит предположить, что это являет собой некую междумирность: для трикстера не существует границы между потусторонним и зримым, материальными мирами. Эту точку зрения подтверждает способность трикстера быть медиатором в оппозиции «Верх – Низ».

Тем не менее подчеркнутая, гипертрофированная телесность трикстера довольно явно указывает на его тесную связь с этим, физическим миром, что в свою очередь еще раз подчеркивает амбивалентность персонажа-трикстера.

Л.П. Гекман в своих работах «Архетип трикстера в мифопоэтическом творчестве народов Центральной Азии» и «Мифопоэтика народов Сибири: персонификация и модель мира» рассматривает информацию о трикстере и трикстерстве, представленную в мифопоэтических текстах, по следующим направлениям:

- а) главный герой и варианты его трансформации;
- б) антипод героя;
- в) трансформации других персонажей эпоса;
- г) механизм осуществления трансформаций⁹. Это позволяет исследовательнице сле-

⁹ Гекман Л.П. Мифопоэтика народов Сибири: персонификация и модель мира. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – С. 174.

дать вывод о способности трикстера обеспечивать целостность этнической модели мира.

Положения исследователей, обращавшихся к архетипу трикстера и проблеме трикстерства в различных текстах культуры, позволяют предположить, что персонажи низшей мифологии славян могут быть рассмотрены как трикстеры.

В ряде своих исследований¹⁰ мы систематизировали информацию, приведенную в мифологических рассказах (быличках, бывальщинах), исследованиях ученых XIX–XX веков, и, опираясь на систему Л.П. Гекман, доказали, что все персонажи низшей мифологии славян могут быть интерпретированы как универсальный персонаж-трикстер. Табличный вариант наших изысканий доказывает факт оборотничества, характерный для персонажей низшей мифологии, и дублирование основных функций. Подтвердим это на основании анализа качеств и функций наиболее популярных в сказочной прозе сверхъестественных существ: домового/кикиморы, водяного/русалки и лешего.

Домовой (по В.И. Далю): дух дома, принимает разные облики, но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки. У него порядочная борода. Волосы застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но около глаз и носа лицо нагое¹¹.

¹⁰ Культура, искусство, досуг, художественное образование: тенденции, проблемы, перспективы: материалы очной и заочной научно-творческих конференций студентов (апрель 2007, 2008 гг.) ред. кол.: О.В. Первушина [и др.]; Алтайская государственная академия культуры и искусств. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2009. – 187 с.

¹¹ Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера, 1996. – С. 16.

По М. Забылину, домовый представляется бескрылым, бестелесным, безрогим существом, которое живет в каждом доме, в каждом семействе. По общему поверью, живет по зимам близ печки, а если у хозяина есть лошади, то в конюшне¹².

По Н.А. Криничной, локусом домового является печь – семейный очаг, который и олицетворяет «хозяин». Он может быть в печи, на печи, под печью – в подполье, под порогом, в печной трубе, через которую, по поверьям, в замкнутое сакральное пространство жилища может проникать нечистая сила. Но чаще занимает западный угол запечья (в топонимической символике «запад» связан с темным, inferнальным началом)¹³.

Еще одно местопребывание домового – полати – дощатый настил между печью и противоположной стеной, а также чердак. Н.И. Толстой и Н.А. Криничная указывают и на углы жилища как на знаки локуса домового. Причем он может появиться даже в переднем углу, где находились «сакральные атрибуты»: иконы, крест, Библия и т. д., что свидетельствует о синтезе христианских и языческих верований в народной среде.

Леший (по М. Забылину). Лесовик, леший олицетворяется сходно с домовым. Власть Лешего ограничивают одними лесами, а жилищем предполагают густые камыши и тростыбы. Леший может являться в разных видах, но чаще всего показывается дряхлым стариком¹⁴.

П.Ф. Маркин упоминает следующее описание лешего: «Облик лешего варьи-

¹² Забылин М. Русский народ. Его обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: ТЕРРА, 1996. – 320 с.

¹³ Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. – М.: Академический проспект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.

¹⁴ Забылин М. Русский народ. Его обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: ТЕРРА, 1996. – 320 с.

руется в проявлениях различных кодов: антропоморфного, зооморфного, орнитоморфного ... Антропоморфный облик лешего отличается неопределенностью и неустойчивостью типологических характеристик. Он может быть огромного роста и необыкновенной силы... Одновременно он может явиться и внешне ничем не примечательным, обычным человеком, седым стариком с длинной бородой и посохом либо кнутом в руке. По другим источникам, у него острая голова, нет бровей и ресниц, тело покрыто волосами. В качестве «портретных» деталей лешего называют:

а) растрепанные волосы («волосы-то на голове долгие-долгие... растрепались как холмина»);

б) зеленые глаза, принимающие различные цветовые оттенки...»¹⁵.

Водяной (по В.И. Далю). Водяной (Водяник, Водовик, Водяной дедушка) живет на больших реках или озерах... водится в омутах и подле мельниц. Это нагой старик, похожий своими свойствами на лешего¹⁶.

М. Забылин в своей книге «Русский народ» дает похожее описание водяного, вероятно используя тот же источник, что и В.И. Даль.

Н.А. Криничная характеризует водяного следующим образом: представления о Водяном складываются из различных фольклорных жанров: быличек (бывальщин), пословиц, заговоров и заклинаний.

Несмотря на стертость и неопределенность, облик Водяного преимущественно антропоморфный. В классическом варианте он изображался голым стариком с боль-

¹⁵ Маркин П.Ф. Славянская мифология как мировосприятие и текст русской литературы. – Барнаул: АлтГАКИ, 2009.

¹⁶ Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера, 1996. – 480 с.

шим животом, опутанным тиной, с длинной бородой и зелеными усами. Нагота водяного символична, являясь «знаком субстанциональной сущности, отсутствия «видимого» статуса, пребывания в пограничной ситуации между «тем» и «этим» мирами». Волосы водного духа черные, распущенные, длинные, такого же цвета борода и усы. Другие источники говорят о волосах белого цвета,

покрывающих тело Водяного, и зеленых усах. Глаза Водяного горящие, большие, красные, подобно раскаленным углям.

Согласно фольклорным источникам (быличкам прежде всего), водяные живут в самых глубоких местах: омутах, водоворотах рек и озер. Но особенно охотно Водяные селятся в омуте, под мельничными колесами.

Т а б л и ц а

Персональные и функциональные особенности духов славянской мифологии

Персонаж	Способен принимать образ старика/старухи	В каких животных способен оборачиваться	Какую часть мира маркируют
Вилы-русалки	Да	Лошадь	Верхний мир (с учетом того, что до принятия христианства вилы были крылатыми добродетельными богинями)
Домовой	Да	Огненный змей – черный петух	Средний мир (как дух дома, представляет мир людей)
Леший	Да	Конь, (лошадь), поросенок, сорока, кошка, красный петух	Средний мир (как дух леса, представляет мир духов)
Водяной (русалки)	Да	Корова, лошадь, лошадиные признаки	Нижний мир (как духи подземного мира)

Общепринятая в фольклористике классификация этих персонажей представляется нам уязвимой: женская ипостась домового – кикимора как одно из воплощений свиты Макоши – может обитать в болоте; ее связь с водой очевидна и тогда, когда она локализуется в доме (темный, влажный угол) и т. д. Русалки (свита водяного и «сестрицы Макоши») могут обитать в лесу и в поле; леший связан с кикиморой (следовательно, с водой и с домом одновременно). Мы полагаем, что с точки зрения культуролога, более продуктивным является подход к универсальному трикстеру (к совокупности персонажей нижней мифологии) как медиатору между сакральным и профанным мирами. Действительно, глухие леса, глубо-

кие водоемы, «красные углы» крестьянского дома представлялись человеку наделенными сверхъестественными свойствами.

Трикстер, будучи функционально медиатором между средним – человеческим, верхним и нижним – божественными мирами обеспечивал неприкосновенность каждого локуса. В универсальной оппозиции порядок/хаос первая категория обозначала обжитой, освоенный человеком мир. От попытки нарушить границу или предписание (не входить в заповедную чащу – леший закружит; не кричать на воде, не бросать в воду мусор – водяной утянет; не следить за порядком в доме, «не соблюдать пятницу» – кикимора накажет и пр.) предостерегает традиция, закрепленная в обычае, быличке-меморате,

бывальщине, где дух-трикстер призван не допустить проникновения элементов хаоса в установленном некогда порядке.

Продуктивность такого понимания персонажей низшей мифологии подтверждается фундаментальными идеями Е.М. Мелетинского, Ю.В. Чернявской и др.

Литература

- Власова М.Н.* Русские суеверия : энциклопедический словарь / М.Н. Власова. – СПб. : Азбука, 2000. – 627 с.
- Волошина Т.А.* Языческая мифология славян / Т.А. Волошина, С.Н. Астапов. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 448 с.
- Гекман Л.П.* Мифопоэтика народов Сибири: персонификация и модель мира / Л.П. Гекман. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 295 с.
- Гекман Л.П.* Архетип трикстера в мифопоэтическом творчестве народов Центральной Азии / Л.П. Гекман // Музей и современные технологии. – Томск : ТГУ, 2006. – С. 252–254.
- Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрасудках русского народа / В.И. Даль. – СПб. : Литера, 1996. – 480 с.
- Забылин М.Ю.* Русский народ. Его обряды, предания, суеверия и поэзия / М.Ю. Забылин. – М. : ТЕРРА, 1996. – 320 с.
- Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии: Вып. I. Умершие неестественной смертью и русалки / Д.К. Зеленин. – Пг., 1916.
- Кайсаров А.С.* Мифы древних славян. Велесова книга / А.С. Кайсаров, Г.А. Глинка, Б.А. Рыбаков; сост. А.И. Баженова, В.И. Вардугин. – Саратов : Надежда, 1993. – 320 с.
- Кериньи К.* Предвечный младенец в предвечные времена / К. Кериньи / в кн. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. – Киев : Гос. библиот. Украины для юношества, 1996. – 383 с.
- Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. – М. : Академический проспект ; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
- Культура, искусство, досуг, художественное образование: тенденции, проблемы, перспективы: материалы очной и заочной научно-творческих конференций студентов (апрель 2007, 2008 гг.) / ред. кол.: О.В. Первушина [и др.]; Алтайская государственная академия культуры и искусств. – Барнаул : АлтГАКИ, 2009. – 187 с.*
- Маркин П.Ф.* Древнеславянская мифология и языческий текст русской литературы: учеб. пособие по спецкурсу / П.Ф. Маркин. – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 224 с.
- Маркин П.Ф.* Славянская мифология как мировосприятие и текст русской литературы / П.Ф. Маркин. – Барнаул : АлтГАКИ, 2009.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. Исследования по фольклору и мифологии Востока / Е.М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2000. – 406 с.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 402 с.*
- Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.*
- Мифы народов мира – «трикстер (культурный герой)» // Мифы народов мира, т. 2. – М.: Олимп, 1997.*
- Молодежь – Барнаулу : материалы IX городской научно-практической конференции молодых ученых (12–16 ноября 2007 г.) : в 2 т. – Барнаул : БГПУ, 2008. – Т. 1. – 405 с.*
- Пелипенко А.А.* Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 371 с.
- Топоров В.Н.* Образ трикстера в Енисейской традиции / В.Н. Топоров // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начало XX вв. : сб. статей. – Новосибирск : СО АН СССР, ИИФиФ, 1987. – С. 5–23.
- Чернявская Ю.В.* Трикстер, или путешествие в Хаос / Ю.В. Чернявская // Человек. – 2004. – № 3. – С. 37–52.
- Юнг К.Г.* Алхимия снов. Четыре архетипа: Мать. Дух. Трикстер. Перерождение / К.Г. Юнг. – СПб. : Тимошка, 1997. – 352 с.
- Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг. – Киев : Гос. библиот. Украины для юношества, 1996. – 383 с.